

С того берега

Рос. Вейч - 1993 - 10 июля - с. 5

«Покажите миру вечную Россию»

С Мстиславом Ростроповичем мы встретились в его гостиничном номере в небольшом французском курортном городке Эвиан, где он уже шестой год подряд проводит в качестве художественного руководителя «Эвианские музыкальные встречи». На этот раз программа была целиком посвящена России. Прекрасные оркестры и солисты (лишь несколько имен: оркестр Санкт-Петербургской филармонии, Юрий Башмет, Татьяна Николаева, талантливый Игнат Солженицын, сын писателя, сам Ростропович) исполняли русскую классику от Мусоргского до Шнитке, собирая каждый день в специально построенном для «Эвианских встреч» прекрасном концертном зале тысячу зрителей.

Однако Ростропович не был бы Ростроповичем, если бы замкнулся в «музыкальной раковине» и не рассуждал со свойственным ему темпераментом не только о своей профессии, но и о политике, экономике, культуре. Вообще о России.

- Идеи посвятить в этом году фестиваль русской музыке родилась из очень простых истин. Престиж России на Западе необычайно возрос. На смену страхе пришли интерес, сочувствие и уважение.

И этим надо пользоваться для установления контактов, укрепления доверия. Евтушенко, по-моему, как-то мне сказал: знаешь, охотник, когда видит зверя издали, стреляет, а когда он смотрит ему в глаза, убить становится трудно, потому что это уже не далекая мишень, а живое существо. Слава Богу, Россия больше уже не мишень, а живое существо. И я считаю необходимым делать все возможное для наведения двусторонних культурных мостов.

- Не уйдут ли по этим мостам лучшие представители русской культуры?

- Многие волнуются по этому поводу. У меня иное ощущение. Находясь уже 19 лет на Западе, я посвятил тем не менее жизнь своему народу, русской музыке. Быть может, за эти годы мне удалось сделать для России больше, чем если бы оставался там. Потому что все силы положил на то, чтобы через музыку привить любовь к моему народу. Конечно, важны индивидуальные качества каждого, кто приезжает на Запад. Раньше все проходили через мельчайшие сита - Министерство культуры, КГБ, ЦК. И была обойма музыкантов, спортсменов, которым даровалось право на зарубежные поездки. Система надежная: наполнился - в следующий раз не пошлут. Сейчас такой контроль, к счастью, полностью отсутствует. Зато возросла личная ответственность человека за то, как он представляет Россию на Западе. Далеко не все безупречно, но не держат же из-за этого людей на привязи.

- Вернемся к мостам. Один из них - «Эвианские музыкальные встречи»?

- Да. Я даже название изменил: вместо фестиваля - встречи. Потому что музыканты, даже лауреаты разных конкурсов между собой, как

правило, не встречаются, работают по своим сольным программам. Кроме того, мне хотелось создать место контактов представителей разных поколений. Идея эта возникла у меня довольно давно, когда я стал чувствовать приближение, нет, не старости, а, скажем так, второй зрелости (не путать с булгаковской «второй свежестью»). Какой след оставить после себя? Конечно, надо написать книгу (Галья меня все время на это толкает). У меня хорошая память. Я помню все, что говорил мне Шостакович, все, что говорил мне Прокофьев.

Я встречался со многими значительными личностями - Пикассо, Дали (он даже написал мой портрет), Чаплин... Это Божья милость, подарок судьбы. Как я могу уйти из жизни, не передав молодому поколению хотя бы часть того, что они мне дали? Это было бы преступлением. Я не могу не сказать моим молодым коллегам, когда они играют Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна, что мне говорили эти композиторы, когда я исполнял или вместе с ними слушал их произведения. Вот и на «Эвианских встречах», работая, к примеру, с оркестром Московской консерватории, я пользовался репетициями, чтобы не только репетировать Шостаковича, но и рассказать, как нужно подходить к этой музыке.

Но эти встречи важны и по иной причине. Когда в России остается еще неопределенность во многих сферах, надо показывать наше искусство самого высокого уровня, чтобы люди видели, что такое Россия, что она дала миру. Чтобы, помимо России, ищущей сегодня свои пути и, увы, пока неполноценной экономически, создать образ России музыки, литературы, культуры - того вечного, чем мы обогатили и обогащаем мир.

- Вы собираетесь, насколько известно, во множество поездок по разным странам - Канада, Эквадор, Япония, США... Какое место занимает в ваших планах Россия?

- Сейчас главная моя забота там - помощь педиатрии. Уже поставлена первая «клиника на колесах». По совету медиков хочу направить еще две такие передвижные клиники, но теперь специализированные - для обследования беременных женщин и стоматологическую. Кроме того, из моего фонда оплачивается создание реанимационного центра в московской Морозовской больнице.

Занят я и другой проблемой - армяно-азербайджанского конфликта. Я намереваюсь организовать встречу между музыкантами-исполнителями Армении и Азербайджана. Приглашаю в Москву моих старых друзей - бакинцев и ереванцев, человек по 30 с той и другой стороны. Мне одинаково дороги оба народа, и я хочу, чтобы мы просто посоветовались, как остановить кровавую бойню. Быть может, от музыкантов придет какая-то подходящая идея. Поживем вместе под Москвой дня три, выпьем вина и поговорим по душам. Невозможно, чтобы в наше время убивали друг друга люди, которые так долго жили между собой в мире.

- Были разговоры, что после окончания в этом году вашего контракта с Вашингтонским оркестром вы возглавите музыкальный коллектив в России.

- Ничего я возглавлять не буду. Я хочу быть свободным человеком и посвятить себя тому, что мне нравится делать. У меня уже заполнены планы до июля 1997 года. Очень жду, скажем, оперных премьер. В 1994 году в Стокгольме пойдет «Лолита» Щедрина - произведение, на мой взгляд, выдающееся. В 1995

году в Вене - премьера оперы живого классика Шнитке «Джезуальдо». На каждую оперу у меня уйдет минимум три месяца. А еще симфонические сезоны (у меня обязательства перед Лондонским оркестром). Но не хочу брать на себя никакой ответственной роли, будь то главного дирижера или художественного руководителя, потому как это ограничивает меня и мое время.

- Вы все-таки выбрали время, чтобы приехать в Россию в день референдума. Между тем в заголовке вашей недавней беседы с Егором Яковлевым были вынесены слова о том, что если бы путч повторился, вы не бросились бы снова в Москву.

- Это одна фраза, которая была вырвана из контекста и сказана со многими «если». Речь идет об очень простой и одновременно сложной вещи. Каждый раз ты кладешь на весы свою жизнь и размышляешь, стоит ли ее лишать. Для риска необходим порыв. И как он у меня был в августе 91-го, так и остался. Просто испытывал в те дни больше надежд, чем их сбылось. Всем, в том числе и мне, казалось, что настал конец многоголовой гидре нашей системы. Но она стала опять подниматься, хотя и под новыми названиями.

Сейчас для меня самый важный вопрос - конституция. Меня не пугает сильная президентская власть. Раньше могущество одного человека прикрывалось так называемым коллективным руководством политбюро. Ко мне в руки попала одна бумажка. Андропов написал на меня донос, когда я уже был за границей. Он докладывал в ЦК о том, что мы с Вишневской должны были участвовать в записи «Пиковой дамы», и вместе с болгарским хором. Так вот, он пишет, что Министерству культуры надо было бы - далее идут «красивые» слова «по своим каналам!» - воздействовать на болгарских друзей, чтобы они сорвали эту запись. На документе резолюции Сулова, Кириленко и Черненко. Вот чем занимались эти люди - срывали запись «Пиковой дамы»! И это называлось «коллективное руководство». Нет, ответственность должна быть у одного человека. Его можно и должно критиковать, вся система обязана обеспечивать взаимный контроль властей. Чего же тогда бояться? Жить же по конституции Сталина - Брежнева, со старым парламентом из других времен - это абракадабра! В дурном сне такое не приснится.

Но я оптимист. Бетховен говорил: когда я оборачиваюсь в прошлое и не вижу ничего хорошего, я смотрю в настоящее; когда я в настоящем не вижу ничего хорошего - я смотрю в будущее. Через огорчения же надо перешагивать.

Виталий ДЫМАРСКИЙ,
соб. корр. РИА «Новости» - для «Российских вестей».

Эвиан - Париж.